

18+

Иван Валеев

МЕЖ БЕССМЕРТНЫХ И НЕЖИВЫХ

Сборник рассказов

Иван Валеев
Меж бессмертных и неживых.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42541826
ISBN 9785449673466*

Аннотация

Я, честно говоря, хотел посмотреть, в какую сторону мы, так сказать, движемся. Интересно будет лет через тридцать собраться и прикинуть, на сколько же я промахнулся. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Меж бессмертных и неживых	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Меж бессмертных и неживых Сборник рассказов

Иван Валеев

Фотограф Иван Валеев

© Иван Валеев, 2019

© Иван Валеев, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-7346-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Меж бессмертных и неживых

Повесть

– Лиговский пятьдесят пять... Ага.

Я набрал на пульте домофона семнадцатую квартиру. Нет ответа. Откуда-то сверху из открытого окна скрежетали гитары и монотонно стучала драм-машина.

Глухие они там, что ли?

Я вызвал заказчика по смарту. Длинный гудок. Другой. Третий. На двенадцатом сообразовали ответить.

– А? – сказал запыхавшийся голос на фоне все той же музыки.

– Добрый вечер. Николай?

– А?

– Это Николай? Вы пиццу заказывали?

– А! Пиццу! – Голос отвечавшего стал выше. Словно парень нюхнул гелия. – Да! Пицца! Круто!

Музыка стала тише.

– Откройте, пожалуйста, дверь...

– Ага! – Шаги, сопение носом, бряканье ключами. – А тут нету никого...

– Я внизу у подъезда. Звоню в домофон.

– Домофон?..

Я снова нажал кнопку вызова.

– Сейчас... Да? Кто там? – спросил тот же голос из домофона.

– Это курьер, – сказал я. – Я вам звоню. Откройте пожалуйста, дверь.

– А! Понял! Так бы сразу...

Замок открылся. Я вошел в темный подъезд и поднялся по вытертой, замусоренной вонючей лестнице на последний этаж. Звонить не пришлось: стоило мне подойти к квартире, как дверь, скрипнув, приоткрылась.

– Добрый вечер! – Я продемонстрировал сумку с заказом. – Пицца. Шесть штук с пеперрони.

– Пеперрони!.. Заходите!

Человек еще чуть приоткрыл дверь. Глаза его светились в темноте. Протезы.

– Не хотелось бы мешать, – сказал я. – У вас там гости...

– Я приглашаю!

Странно он ведет себя... И почему не слышно остальных гостей? Я шагнул вперед и потянул носом воздух. Ощутимо запахло мокрым железом.

Я молча пнул ногой дверь, и парня зашвырнуло в квартиру. Он споткнулся обо что-то, взмахнул руками и плюхнулся на задницу. В левой руке, которую он поначалу прикрывал дверью, был зажат большой нож-пила.

– Ах ты!!!

Как он оказался на ногах, я не понял. Только что сидел, раз – и уже прыгает на меня. Лезвие ножа увязло в сумке

с пищей, я ударил парня ногой в пах и выскочил за дверь, прихватив его оружие с собой.

– Алло! Дежурный Петренко слушает!

– Добрый вечер! – сказал я, вцепившись одной рукой в ручку двери, чтобы нападавший не выскочил из квартиры. – Я нахожусь по адресу Лиговский пятьдесят пять дробь четыре, квартира семнадцать. Тут какой-то псих хочет меня убить...

– И вы вот просто так звоните? – удивился полицейский.

– Я держу дверь, и потом, у меня его нож...

– Так может, вы сами справитесь? А мы с вами поделимся?.. – Полицейский заржал. – Выезжаем.

Поделится он, как же...

Что там был за сон?.. Вспомнить бы. Никак, а жаль: сны сейчас – единственное, что осталось интересного в жизни. Если они не тронуты молю реальности...

Эвона как.

Компьютер все верещал. Кто-то сгорает от желания лицезреть мое небритое табло. В три утра. Извращенец. Я сел, дотянулся до компьютерного стола, тронул мышку. На экране возникло мужское лицо. Серые глаза за стеклами очков, седой ежик над черными бровями... Знакомое какое лицо... Где-то я его видел. Вчера же...

А. Ну да. В зеркале. Только там оно помоложе было.

– Привет, – сказала лицо.

– Привет, па, – отозвался я, вставая. Голова закружилась. – Какими судьбами? Черт, я ведь лег только...

– Ты, наверное, гадаешь, на кой я тебе звоню, – перебил он. – Я, честно говоря, тоже. Не в смысле «почему звоню», а почему именно тебе... Понимаешь, у меня возникла одна проблема, с которой мне просто не к кому больше обратиться.

Так. Запись. Есть некоторые вещи, которые я очень не люблю. Одна из них – видеосообщения. Те, кто меня знает – их человек примерно пять живых, – избегают отправлять мне видеозаписи. Отец шестой. Он тоже знает меня – и вот именно поэтому...

– Дело в том, что я мертв.

– Отличный ход, па. Я весь внимание.

– Надеюсь, теперь ты отнесешься к тому, что я тебе скажу, с должным вниманием.

Зар-раза. Он знал...

Я уселся на стул напротив монитора и попытался привести мысли в порядок. Если это не шутка, следует ожидать какого-нибудь пустяшного наследства... А если я хоть сколько-нибудь знаю своего па, то вместе с квестом в стиле «отомсти за меня, Симба».

– У меня есть информация, – сказала изображение отца. – Тебя и твоей жизни она не касается. Ее нужно просто передать людям, которые сумеют ей правильно распорядиться...

– Надо же, почти угадал.

— ...И ты это сделаешь. Она спрятана здесь неподалеку. — Изображение мотнуло головой куда-то, видимо в сторону окна. — Можешь считать это повторным приглашением в гости, если тебе так будет проще. На Маяковке есть неплохой отель, называется «Маяк». Давай, до скорого. — Он помолчал, потом добавил: — Сделай так, чтобы это не досталось бессмертным. Идет?

Запись закончилась. Я попытался проиграть ее еще раз — и обнаружил, что файл стерт. Хороший фокус, па.

Я добрался до ванной. Почистил зубы. Набрал воды в чайник, вернул его на подставку, включил. Насыпал в чашку две ложки растворимого кофе. Выглянул в окно.

Короче, оттягивал как мог.

Наконец, решился: заглянул на сайт железных дорог посмотреть, когда ближайшая свободная «пуля» до Москвы. Оказалось, через полтора часа. Свободных мест было много, время у поезда неудобное. Выбрал место в четвертом вагоне место у окна, оплатил... Оказывается, в том, чтобы покупать билет в один конец, есть что-то жутковатое.

Еще бы... Когда тебя с того света приглашают погостить, поневоле станешь мистиком.

Я оглядел комнату. Что мне может понадобиться, кроме двух-трех носков на случай атомной войны? Разве что компьютер.

Такси решил не вызывать. До вокзала пешком полчаса.

Поезд был практически пуст. Я предъявил считывателю свой паскард, двери открылись и я вошел в вагон. Уселся в свое кресло у окна. По ту сторону стекла начинало светать. Очень хотелось спать, от недосыпа слегка мутило, но – заснуть?.. Сейчас?..

Значит, если верить видеозаписи, отец мертв. Странно, но поверить в это было просто – и в то же время невозможно. Он для меня никогда не был особенно живым. Такое абстрактное понятие: «отец» – начисто лишённое связи с реальным объектом. Я понимал, что вряд ли явился на свет вегетативным путем, но и только.

Потом объект «отец» все-таки решил войти в мою жизнь. Пять лет назад, когда умерла мать, он связался со мной, предложил приехать... Тогда он обитал в одном из спальных районов мегаполиса, в двухкомнатной квартире с железной дверью, громадной стереосистемой и жутким набором киберимплантов. Там я продержался неделю и сбежал, забыв попрощаться. Но, полагаю, что узнали мы с ним друг друга неплохо.

Я, например, понял, откуда у меня взялась нелюбовь к бессмертным... Которые, как показывает практика, вообще не.

Москва встретила проливным дождем. Я вышел из поезда, поднял воротник плаща и, втянув голову в плечи, побрел к зданию вокзала. Наверняка там можно купить кофе. Мо-

жет быть, даже с кофеином.

В реденькой толпе сонных пассажиров я прошел сквозь «светляка» (совсем недавно эти штуковины заменили всевозможные металлодетекторы и рентген-аппараты) и, двигаясь вдоль длинной стойки, заметил небольшое оживление среди сидящих за ней господ в серо-голубом. Двое транспортных полицейских встали из-за своих мест и направились ко мне.

– Доброе утро, – сказал полицейский чуть пониже ростом, сверкнув непрозрачными электронными очками. – Разрешите взглянуть на ваш пасскард.

Вежливость – это прекрасно.

– Прошу.

Полицейский взял карточку, сличил фото на ней с моей физиономией, поскреб зачем-то ногтем по краешку и поднес к левому стеклышку очков.

– Вы пользуетесь кибернетическими имплантами? – спросил он.

– Нет. – Ну неужели я мог сказать что-то другое? Это после просвечивания-то?

– Чистюля, – брякнул другой полицейский.

Я молча взглянул на него. Широкая грудная клетка, бицепсы до предела натягивают ткань рукава форменной куртки, глаз за темным пластиком очков не видать. Почти бессмертный. Только работа неудачная.

Первый полицейский недовольно покосился на своего

коллегу и вернул мне пасскард:

- Прошу прощения за беспокойство. Можете идти.
- Что ж, спасибо... Надеюсь, это теперь не запрещено?
- Что именно? – Полицейский вскинул брови.
- Не пользоваться имплантами.

Он пожал плечами:

- Пока нет. Кое-где это даже приветствуется.
- Это хорошо... А, извините еще раз, кофе здесь где-ни-

будь можно выпить?

– Во-он там, – указал второй полицейский рукой в перчатке, – сразу за инфостендом есть буфет с кофе-автоматами.

А это как понимать? Тоже вежливость, или чувство вины им не купируют?

Поезда по внутренней кольцевой ветке метро шли с интервалом в восемь минут. Я дождался поезда, сел в практически пустой вагон и потер лицо руками. Что-что, а спать здесь не стоило.

Тащилась электричка небыстро. Я разглядывал серые бетонные стены за окнами вагона, кое-где изрисованные граффити, и пытался вспомнить, как метро выглядело пять лет назад.

Никак не выглядело. Я же его не видел.

Наконец добрались до Маяковской. Выход на Садовую-Триумфальную был закрыт, давно и, кажется, уже навсегда. Я прошел длинным переходом в реденькой толпе та-

ких же незваных гостей метро и выбрался на Тверскую-Ямскую, первую из нескольких, прошел до Садового кольца...

Вдоль всей улицы тянулась бесконечная железобетонная стена.

Челюсть у меня отвисла. Зато я понял, что значили в инструкции по нахождению отеля слова «от метро направо и вниз по улице до бреши в стене».

Я завертел головой. Над улицей кое-где порхали неприятные дроны-колибри. Ну, колибри не танк.

Вниз по улице, значит...

Изукрашенный нелепым узором указатель привел меня к «бреши». Действительно, брешь: пролом в стене, в который могли протиснуться сразу два человека. Если не боялись порвать одежду о торчащие обломки арматуры. Причем выглядел пролом так, будто был здесь раньше стены.

Я задрал голову, буркнул прилепившейся к карнизу колибри «Прикрой, что ли», и направился в «брешь».

По ту сторону стены никого не оказалось. Никто не грелся у горящего мусорного бака, не перетягивал руку для очередного укола, не прятался в куче отбросов с дробовиком в зубах...

Ч-черт возьми. И все напрасно.

Дверь с надписью «Маяк» нашлась довольно быстро. Я потянул ее на себя. В ноздри ударил запах курева, прокисшей выпивки и жареного соевого белка. Внутри оказалось

темновато. Низкий потолок, с него на шнуре свисала одинокая тусклая лампочка в небьющемся плафоне. Коричневая краска на стенах, коричневая стойка, за стойкой мерцал экран, отсвечивая на лицо бледного бородача, поглощавшего из пластмассовой тарелки жареные сосиски. Бородач оторвался от созерцания того, что он там созерцал на экране, и вопросительно вскинул брови.

– Доброе утро, – сказал я. – Я бронировал номер...

– Ага. – Бородач отставил в сторону тарелку, встал с кресла и подался ко мне, облокотившись на стойку. – Я вас слушаю.

– Номер. На фамилию «Вохцин». Бронирование. Предоплата. Вот пасскард.

– Понятно. Ничем не могу помочь. – Бородач пожал плечами. – Наверное, был сбой в компьютере, понимаете? Все бронирования того...

– Понимаю, – кивнул я. – А с кем я могу поговорить насчет?..

– Со мной, – тут же перебил он и, перекосившись, сунул правую руку под стойку.

Оружие, прикрепленное к столешнице! Надо же... Некоторые вещи в этом мире не меняются.

– Хорошо. – Я вздохнул и заглянул ему в глаза. – Сколько?

– Ну...

Он отвел взгляд в сторону – и я врезал ему ладонью в лоб. Из-под стойки бабахнуло, заряд ушел куда-то вправо. Идиот.

Я перемахнул через стойку, пнув бородача ногой. Он отлетел к стене, и я ударом плеча вышиб воздух из его впалой груди. Потом, пока он корчился, вытащил из-под стойки оружие.

– Ишь ты... Самопал! – Трубка длиной сантиметров двадцать и в сантиметр диаметром, барабан под четыре патрона, рукоять черт знает из чего. – Сам сделал?

– Отец... – хрипло ответил бородач.

– Так что ж ты, дурак, семейными реликвиями-то разбираешься?

Бородач промолчал, потирая грудь. Я вздохнул и бросил взгляд на монитор.

– Сейчас пол-восьмого утра. Давай подождем хотя бы до одиннадцати, а?

– Ну...

– Ну вот и славно. – Я оттянул пояс спортивных штанов бородача и ссыпал ему туда патроны. – Так что там насчет комнаты?

– Сейчас посмотрю... Можно? – Он сделал движение в сторону компьютера.

– Конечно! Это ведь ваша гостиница.

Я неспешно обошел стойку и, подперев щеку кулаком, начал ждать.

– Вот... – Бородач мельком глянул на мой паскард и кивнул: – Да, все в порядке, номер четыреста два. Это под самой крышей.

– Отлично.

Он протянул мне ключ-карту.

Под самой крышей... Комната как комната: крошечная, пустая, в бело-коричневых тонах. Из мебели: стул, стол, койка – называть это «кроватью» много чести, – подкопченные жалюзи на единственном окне. И обломанный подоконник.

Я поставил под стол надоевшую уже сумку, вытащил сетик и попытался найти что-нибудь про бар «Баррикада». Сюрприз: никакого бара с таким названием поблизости не было. Не было поблизости также кафе, пивной, клуба или библиотеки – ничего, что носило бы название «Баррикада».

И в то же время: «Сидели вчера со Словарем в Баррикаде», «Пиво в Баррикаде подорожало», «Вскочил какой-то прыщ и ну стихи орать на всю Баррикаду»... Многовато упоминаний для несуществующего места.

– Здорово, па, – сказал я. – И что дальше?

Можно было спуститься к бородатому и жуликоватому владельцу «Маяка». Однако я ведь сам предложил подождать до одиннадцати. Или до сколько?..

– Спать.

Поразмыслив, я включил будильник и поставил сетик так, чтобы камера смотрела на ручку входной двери. Теперь стоило кому-то повернуть ручку, будильник сработает, и...

И посмотрим, кто кого.

Разбудили меня, впрочем, достаточно деликатным стуком

в дверь.

– Проклятье... – Я посмотрел на часы. Было без трех минут одиннадцать. – Кто там?

– Простите, пожалуйста, за беспокойство, – раздался из коридора приятный женский голос. – Мы от господина Маяковского...

Я подскочил. Потому что фамилию «Маяковский» носил человек, памятник которому я видел на улице неподалеку от метро. Нет, я слышал, что бывали случаи, когда памятник припирался к кому-нибудь... Но чтобы присылал гонцов?

– От кого? – переспросил я.

– От господина Маяковского, – повторили из-за двери. – Это владелец отеля.

– А. Ясно. Нельзя же так пугать.

За дверью хихикнули:

– Может, все-таки откроете?

– Ну, раз вы не от того Маяковского, который на площади...

Я отпер замок и приоткрыл дверь.

В коридоре стояли две девушки: одна постарше, высокая, худая, с очень бледной кожей, серебристыми волосами и в красивом брючном костюме; вторая была пониже, в черном пластиковом корсете, коротенькой юбке, смуглая и с пробивающимися сквозь кожу лба маленькими черными рожками.

Я невольно сделал шаг назад. Дамы восприняли это как

приглашение войти.

– Э... А что случилось? – спросил я.

– Виктор Ольгердович просил передать вам свои искренние извинения за то небольшое недоразумение, что произошло между вами утром.

– Ага... А вы, стало быть?..

– Моральная компенсация, – тонко улыбнулась девушка в костюме.

– Хорошо. Я вас понял. То есть, что я говорю... Послушайте. Извинения приняты, недоразумение забыто, но вот компенсация... Мне придется от нее отказаться.

– Почему? – удивилась девушка в костюме. – Если желаете, мы можем пригласить еще кого-нибудь.

– Нет, благодарю.

– Вы заставляете чувствовать меня неловко, – пожаловалась она.

– Значит, мы квиты... – Тут я кое-что вспомнил. – Давайте договоримся. Мне нужна информация. Могу ли я получить ее от вас?

– Генетическая?

Девушка с рожками фыркнула и зажала рот ладошкой.

– Нет. Я, видите ли, только сегодня приехал, и у меня уже возникли определенные сложности с некоторыми местными достопримечательностями. Никак не могу найти.

– Ну что же... Давайте побеседуем. Анна, оставь нас. – Девушка с рожками выскользнула за дверь. – Что вас инте-

ресует?

– Как вас зовут?

– Кира.

Я уселся на койку, Кира пристроилась на стол, вытянув и скрестив длинные ножки в мужских туфлях.

– Кира, скажите, что такое «Баррикада»?

– Так-так...

– Вы знаете, где это?

– Да, – чуть помедлив, отозвалась Кира. – Пожалуй, знаю.

– Почему я не могу найти это место?

– Потому что это не место. – Она пожала плечами.

– Ничего себе...

– Не удивляйтесь. Просто примите к сведению. Сейчас «Баррикада» находится в клубе «Зоопарк». Его вы отыщете без труда. Только сейчас туда идти не советую.

– Закрыто?

– Нет. В это время там скучно.

Я улыбнулся:

– Прекрасно. Мне сейчас как раз надо немножко поскушать. Ну, думаю, ваша миссия полностью выполнена.

Кира оттолкнулась от стола и направилась к двери. Взявшись за ручку, бросила через плечо:

– Обращайтесь. Мы всегда рады новым неиспорченным людям.

– Простите, а господин Маяковский случайно не давал на-счет меня какие-нибудь особые указания?

– Спрашивать такое у девушки на первом свидании...

Она презрительно сморщила носик и закрыла дверь.

Сетик утверждал, что добраться до «Зоопарка» можно было двумя путями: медленным на метро и быстрым по улице. Я выбрал второе.

Перед уходом я мельком осмотрел комнату. Из-за крепления жалюзи выглядывала маленькая камера – из тех, что предназначены скорее для съемки, нежели для припрятывания. Смотрела камера прямоком на кровать. Наверное, где-то и микрофон имеется.

Я спустился вниз. Бородач по фамилии Маяковский и с незапомнившимся именем поднялся со своего места.

– Добрый день, – сказал я миролюбиво. – Не подскажите, сколько еще таких вот штук у меня в комнате? – И я положил камеру на стойку.

Маяковский прокашлялся.

– Только одна... И еще микрофон в изголовье кровати. У стола, – добавил он.

– Ладно. Пусть останется. Кстати, я не сильно храплю?

Он промолчал.

– Да, спасибо за компенсацию, – спохватился я. – Не стоило, конечно...

– Хорошие отношения с клиентом превыше всего, – пожал плечами Маяковский. – Но вы же...

– Нет-нет, я как раз думал, к кому приставать с расспросами, так что вы избавили меня от ненужных метаний.

Он подергал себя за бороду:

– Всегда пожалуйста. Обращайтесь.

Я кивнул, вышел на свежий воздух и направился к бреши.

К этому времени на улице появились люди. Их было немного, и большая часть спешила по своим делам, глядя перед собой сквозь вирт-очки. Но были и другие. Они брели по улице, чаще всего вдоль разделяющей город стены, или сидели под ней, бессмысленно уставясь перед собой. Они были плохо одеты и еще хуже модифицированы.

Их было немного, но именно они определяли впечатление от города. Они – и еще статуя.

Статую я заметил случайно. Шел к Баррикадной, поглядывая на обломанный шпиль высотки, что чуть выглядывал из-за крыш. Справа между старыми, неизвестно зачем сохранившимися домиками обнаружились ржавые ворота. Облезлая табличка настаивала, что за ними находится «Московский Зоопарк». Табличка поновее лаконично предупреждала о каких-то неприятностях, поджидавших излишне любопытного посетителя. Я заглянул внутрь.

Судя по всему, территорию зоопарка в прошлом обстреляли из минометов, потом стащили на нее множество старых, никому не нужных гаражей и трейлерных вагончиков, а потом снова обстреляли. И так восемь раз. И над всем этим хаосом арматуры, бетона, асфальта и листового железа возвели статую: высоченный, собранный из пластиковых труб

каркас медведя. Медведь стоял на задних лапах, держа в передних подобие восьмиствольного пулемета. На голове медведя росли довольно большие рога.

Нет, Маяковский – понятно... А этот-то что писал?

Кира не обманула. В «Зоопарке» действительно было скучно. Вернее, было бы – для постоянного посетителя. А вот любого новичка вроде меня посещение подобного клуба наверняка выбьет из равновесия. Уже от самых дверей – взглядом оранжевых глаз, упершимся в меня с тигриной морды.

Обычная тигриная морда: полосы, усы, клыки... Ну, может быть, чуть поменьше настоящей, чтобы быть пропорциональной вполне человеческим плечам, на которых она сидела. На столь серьезный бодмод решится не каждый. И не каждому он по карману.

Тигриная морда шевельнула бровями.

– Привет, – выдавил я.

Тигр кивнул, и я прошел внутрь. Пол под ногами чуть поскрипывал, лампы над головой горели через одну. Множество серых столиков и стульев. По стенам – картины, нарисованные, по-моему, пальцами наименее трезвых посетителей. Кроме меня, здесь было всего двое посетителей.

Бармен за стойкой бара выглядел вполне по-человечески. Пусть и с металлическим протезом на месте правой кисти.

– Приветствую! – сказал он. – Что будете?

– Добрый... этот... день. Если можно – кофе.

– Соевый?

– Угу...

Бармен занялся готовкой, а я оглянулся через плечо. Тигроголовый внимательно, не мигая, наблюдал за мной.

– Ваше кофе.

– Спасибо. Сколько?

– Девяносто.

– Недорого, – удивился я и, доставая из кармана дебетку, сказал тоном ниже: – Извините. Тот гражданин с тигриной головой – он все еще смотрит мне в спину?

Бармен бросил взгляд поверх моего плеча и коротко кивнул.

– А почему?

– Во-первых, это его работа. Во-вторых, вы здесь впервые. И в-третьих, чистюли у нас редкость. Этих причин хватит?

– Э... Пожалуй. А что, заметно?

– Ему – да.

– Принято, учту.

Я подхватил стакан с кофе и отправился к столику у забранного пластиковым щитом окна. Тигриная голова медленно повернулась, продолжая просвечивать меня насквозь.

Ну и что дальше, па?

Сетик напомнил о себе, и я едва не расплескал кофе. Под взглядом оранжевых глаз поставил компьютер на стол, вытянул клавиатуру, включил экран и сунул в левое ухо наушник.

Видео-вызов. Дай-ка угадаю...

– Неплохое местечко, верно? – спросил отец. – Хотя я подозреваю, что ты пришел туда в неудачное время, и ничего интересного вокруг не происходит... Ну да это дело вкуса. Значит, ты здесь (не с пустотой же я говорю, правильно?) и ждешь нового задания. Вот оно. Ты должен отыскать «Сумеречный сад». Там есть кое-что на твоё имя. И некоторые инструкции в придачу. Все, до скорого. – Он усмехнулся и добавил: – Никогда не верь...

Договорить ему не дали. В ухо ударила волна белого шума, экран зарябил. Я выдернул наушник и отвернулся, зажмурившись.

Кто-то кричал.

– Эй! – раздался голос бармена. – Что за хрень?! Вить!.. Вить, что с тобой?

Я открыл глаза. Оба посетителя – один еще сидел за столом, другой уже под ним – стонали и держались за головы, тигр-охранник бесшумно сполз по стене на пол. Бармен подскочил к нему, потом обернулся ко мне.

– Ты!!! Что ты наделал?!

– Это не я! – проорал я в ответ и продемонстрировал ему экран сетки.

Свистопляска как началась, так и прекратилась. Теперь экранчик был абсолютно мертвый.

– Это не он, – подтвердил тигроголовый, открывая глаза. Его голос был на удивление безжизненным. Машинным.

Неудачная операция на связках?

– Ты в порядке? – спросил его бармен.

– Да, Лех, почти... Сейчас. – Охранник сел, помотал мохнатой башкой и встряхнул плечами. – Здорово долбануло. Это на него было нацелено.

И он мотнул башкой в мою сторону. Бармен нахмурился:

– Ты же сказал, что он чистюля...

– Да.

– Тогда на кой черт?.. Его даже не зацепило.

– Значит, те, кто поставил ловушку, не знали об этом. – Тигроголовый поднялся на ноги и обратился ко мне: – Не знали, а?

Я только плечами пожал. Мне-то откуда знать? Может, это было что-то вроде отцовского напутствия, чтобы лучше запомнил. Но делиться подобными соображениями не хотелось.

– Что такое «Сумеречный сад»? – спросил я.

– Мавзолей, – отозвался бармен после паузы.

– А где это?

– Где-то в сети.

– Как «Баррикада»? – спросил я.

– И незачем так орать, – пробурчал бармен негромко. – Да. Только войти можно откуда угодно...

– Только не отсюда, – добавил тигроголовый. – И запасись нормальным софтом.

– Понял. Кофе-то можно допить?

– А, что с тебя взять! – махнул бармен рукой. – Допивай... И проваливай!

Дождь прекратился.

Лавируя меж повыползавших на улицу неторопливых москвичей, я вернулся в «Маяк», кивнул Маяковскому и поднялся в комнату. Вроде бы никто не заходил. Я осмотрелся и подсел к столу.

Сетик сдох. Если каждый день мне будут гробить компьютер, то дольше трех дней не протяну – деньги кончатся. И придется возвращаться, так ничего и не выяснив.

Искушение.

Я спустился вниз и обратился к Маяковскому:

– Не подскажите, где тут можно перекусить без вреда для организма?

– Без вреда – нигде, – категорично заявил он. – Но вы можете прогуляться вниз по улице до «Двух собак». Там можно даже настоящую котлету съесть... если вы, конечно, не очень боитесь крыс.

– А чем их кормят? Человечиной? Тогда я пас.

– Сейчас даже сою кормят человечиной.

Я поморщился, но он, конечно, был прав. Потом вспомнил про сетик, который лежал в сумке на плече.

– Да, и еще такой вопрос. Где-нибудь можно найти вменяемого компьютерного мастера, который не будет пытаться надуть приезжего лоха? – Маяковский поперхнулся, и я то-

ропливо добавил: – О присутствующих ни слова.

– Ну... А что стряслось с вашим компом?

– Был в «Зоопарке», решил почту проверить. А оттуда на меня ка-ак... прыгнет! И посетителям досталось, и охраннику. Ему особенно: где стоял – там и вырубился.

– Ничего, у Виктора как раз софт хороший. Наверняка его сразу выкинуло... Дайте-ка сюда вашу игрушку.

Я вручил ему сетик, и Маяковский, порывшись в столе, вытащил оттуда длинный кабель и полез куда-то под стойку.

– Сейчас проверим, чем вас там угостили... – Он принялся елозить мышкой по столу. – Ну... Ерунда. Гоголь-моголь – червяк, троян, дешифратор... И овердрайв. Там было что-то ценное из информации?

– Нет.

– Тогда тем более ерунда. Я сейчас все вычищу, поставлю что надо – будет как новенький.

– Что такое овердрайв? – спросил я.

Впрочем, интересовало меня другое: а не подсадит ли мне мой недешевый комнатовладелец что-нибудь наподобие этого... «гоголя»? Так, чисто из интереса?

Маяковский пару секунд смотрел на меня, потом усмехнулся:

– Вы же чистюля. Забыл. Самое простое оружие, цепляющее тех, кто, – он коснулся пальцем виска, – носит компьютер в голове. Бьет по глазам, ушам и мозгам в целом. Неприятно, но пережить можно.

– А вы тоже – того? – Я повторил его жест.

– Да, был. Потом решил, что староват уже для таких фокусов. Правда, вытаскивать ничего не стал, просто отключил – и все.

– Слушайте, а никто не пробовал выжечь человеку таким овердрайвом мозга, а потом загрузить что нужно – и управлять?

– Так и делали же, – пробурчал Маяковский, вперив взгляд в экран своего компа. – Причем еще лет пятьсот назад... где-то на Таити... нет, на Гаити. Знаете такое слово – зомби?

– Ну да.

– Ну и вот... А, ерунда это все. Трудоемко и бессмысленно. Зачем выжигать то, чем человек отродясь не пользуется? А управлять и так можно... – Он вытащил провод из моего сетика. – Все. Держите.

– Сколько с меня?

– А, пустяки. Триста пятьдесят.

Вернувшись из «Двух собак», я поставил сетик на стол и принялся искать «Сумеречный сад». На этот раз обошлось почти без сюрпризов. За исключением того, что он отказывался впускать меня без очков и перчаток.

Я не люблю виртуальную реальность. Очень уж много народу туда переселилось практически насовсем. Конечно, благодаря этим людям у лохов вроде меня всегда есть рабо-

та: должен же кто-то доставлять им под дверь жратву и железо, но...

«Сумеречный сад» занимал довольно большое пространство. Непонятно только, почему «сад»? Больше всего это место походило на старый, поглощенный джунглями завод.

Я решил не тратить время на бессмысленные поиски, вызвал виртуальную клавиатуру и набрал было фамилию отца – но спохватился. Он же сказал «на твое имя».

«Игорь Вохцин».

Передо мной возникла тень. В длинном балахоне с капюшоном, сжимающая костлявыми руками косу.

Некоторые вещи лучше встречать только в вирте.

«Могила Игоря Вохцина найдена. Прошу за мной».

Твою мать, па... Я потащился за проводником. Жнец поднялся на четвертый этаж сада (халтурщики), проследовал по едва заметной тропке, петлявшей между деревьями и остатками непонятных механизмов, и встал около большого, примерно по пояс, черного камня, над которым росло невысокое раскидистое дерево, чью видовую принадлежность отчаялся бы выявлять любой ботаник. Мой проводник указал пальцем на камень – и испарился.

Я осмотрелся. Под камнем было небольшое углубление, может быть, норка местной мышки, такой же условной, как и дерево. Я сунул туда руку. Пусто.

Вот так...

«Пароль», сказал возникший надо мной Жнец, занеся ко-

су для удара.

Я вспомнил последний наш «разговор» с отцом. «Никогда не верь...» Кому?

«Никогда не верь бессмертным», произнес я – и вытащил из-под камня фотографию. Небольшую, такую, что умещается на ладони. Отца на фото не было. И меня тоже. Там была девушка в черных джинсах и красной футболке. Она сидела под большим деревом, обхватив колени руками, и смотрела мимо объектива, склонив голову к левому плечу...

Мама.

Фото было ретушированным. На нем должен был быть еще кто-то, слева от девушки. Если бы я не был в очках, если бы комп был у меня в башке – уверен, я бы этого не увидел.

В стволе дерева на фото было дупло. Я поднялся и обошел вокруг того, что росло у моей «могилки». Сначала против часовой стрелки, потом по. Дерево стало сохнуть и терять листья.

Черт, па, ты переиграл в игрушки!..

Дупло оказалось чуть повыше моей головы. Я дотянулся до него и сунул руку внутрь.

«Пароль», сказал Жнец.

«Никогда не верь бессмертным», снова сказал я.

«Осталось две попытки», произнес Жнец. Лезвие косы недвусмысленно сверкнуло.

Я дернулся назад – но дерево не пустило. А только вро-

де привык к папиным приколам. Повертел в свободной руке фотографию. Ничего. Никаких больше подсказок. Кроме того, что было затерто на изображении...

«Тебя здесь нет», сказал я, глядя на фото.

Третья попытка не понадобилась.

Файл имел вид стилизованной морской мины, болтавшейся на зажатом в моем кулаке шнуре как накачанный гелием воздушный шарик.

«Переместить – Скопировать – Удалить»

Выбрал первое.

«Попытка взлома!», сказал мне в ухо хорошо поставленный женский голос. В правом нижнем уголке поля зрения замерцал красный значок антивируса.

Я торопливо открыл меню, выбрал «отключить соединение», на фоне застывшей картинке «сада» приказал сетку выключиться, стащил с головы очки – и некоторое время сидел, привыкая к реальности.

Реальность была тусклой, серой и излишне детализированной. Как обычно.

Бессмертие нереализуемо. Я говорю о бессмертии личности, конечно. Но все-таки мы все жаждем его получить... А? Ты как, жаждешь?.. Ну да неважно. Важно, что желающие есть. А значит, они будут искать тех, кто им это бессмертие организует. И найдут.

Я сказал, что бессмертие личности нереализуемо. Одна-

ко чисто технически возможно продлевать жизнь человека, отрезая от него по кусочку и заменяя отрезанное чем-нибудь более прочным. Руки, ноги, глаза, уши, сердце... Пока у нас проблемы только с мозгом. Хотя если его как следует стимулировать, можно отсрочить деградацию.

Это все ты, наверное, знаешь. А вот что ты не знаешь: со стимулированием мозга лучше всего справляется новое молодое тело. Желательно здоровое и не слишком отличающееся от мозга генетически. Такие штуки, сам понимаешь, запрещены.

Пока – запрещены.

Наверное, ты не знаешь, что можно выращивать тела-пустышки из, хм-хм, материала заказчика. Но они быстро приходят в негодность. Быстрее, чем отдельные части таких пустышек, пришитые к «природному» телу. Почему – пока неизвестно. Можно ли это исправить – тоже.

Итак, отловить молодого, здорового, непорченного претендента, выскрести его черепушку и затолкать в нее мозги, принадлежащие какому-нибудь денежному мешку... Паскудная перспектива для претендента. А? Но попробуй такого найди.

Некоторые находят. Потом этих уродов ловят за их новые задницы. Это, сам понимаешь, не афишируется. Тела снова опустошаются и служат контейнерами для совсем других людей.

Но это все лирика. А проза жизни такова: бессмертные хотят взять все под свой контроль. Их можно понять... Или я должен был сказать – нас? Нас можно понять? Пусть так. К хорошему быстро привыкаешь.

Теперь смотри. У нас две заинтересованных стороны.

Первая – киборги. Плюс – мы более автономны. Конечно, нужны грамотные техники и врачи, но это дело наживное. Минус... Тебе, наверное, трудно это понять, однако – ностальгия. По тому, что мы заменили.

Вторая – паразиты. Патологический страх перед механикой. Ну и страх Смерти с большой буквы П. Они попали в ловушку и выбраться из нее уже не могут. К счастью, таких очень мало. Пока.

Тех, кто к бессмертию не стремится всерьез, мы в расчет не берем. Вы нам нужны для того, чтобы было кем помыкать. Так что спрашивать у вас никто ничего не будет.

Есть еще одна альтернатива. Человек Цифровой. Кто-то уже переселился в Сеть навсегда либо попытался оцифровать себя и в результате заполучил цифровую копию своей личности. Жуткая глупость – что одно, что другое.

Я там, кстати, тоже есть. Я недавно поговорил с ним – тем мною, которым стал мой цифровой дух... Это пугает. Я, знаешь ли, не такой.

Они работают над оружием. По чьему-то заказу.

Ты понимаешь, о чем речь? Вот-вот начнется... не знаю. Это не будет в прямом смысле слова «войной», но «проти-

востоянием» будет точно. Угадай, за чей счет.

Долгое получилось вступление. Извини, дальше только по делу.

Здесь у меня есть кое-какие исходники. Я постараюсь найти сам, кому это передать, но если что-то пойдет не так, этим займешься ты.

Бывай. Жаль, если не удастся свидеться.

Проверь следующих:

DrVenway; Рыжая Ведьма; Никодим. Контакты во вложении.

Я потер лицо. Выжат как... Как не знаю что. Как соевый лимон.

Ностальгия по ампутированному естеству, надо же! Интересно, а в зависть она может развиваться? В ненависть?

Кое-в-чем ты, па, ошибся. Слухи о пересадках мозгов ходили давно. Иногда они настолько дикие, что начинаешь верить. Скажем, этот мужик из совета директоров... Петронов, кажется. Ему же все лицо перекроили...

А не сошел ли он с ума? Отец, я имею в виду.

Я улегся на койку и уставился в потолок, припоминая, как он выглядел и как себя вел. Только сравнивать особо не с чем. Да, на психа не похоже, но если бы каждый псих был похож на психа, жизнь стала бы намного скучнее.

– Ну что, сынок, ты уже начал действовать? – спрашивает

отец, наклоняясь надо мной.

Я задираю голову.

– Привет, па.

Голос звучит приглушенно и неестественно.

– Конечно, начал, – встревает отец. – Ты посмотри, как устал. Не мог же он просто так устать?

– Слушай, па, я спать хочу...

– Ты тормозишь, – перебивает отец. – Неизвестно, сколько времени осталось, и сколько часов или дней из них ты проспишь.

– Каких, в жопу, дней? – возмущаюсь я. – Па, ты меня как разбудил, так я с тех пор не сплю, мотаюсь только, как!.. Дай поспать!

– А ты поставил будильник?

Я пытаюсь встать. Не выходит. Ни рук, ни ног... выгибаю шею, смотрю назад. В глазах у меня двоится.

Стул в перевернутой комнате всего один. Поэтому отец-а сидит на нем, а отец-б устроился на столе, скрестив по-турецки ноги.

– Ну и кто из вас па? – спрашиваю я.

– Он, – говорят они хором, кивая друг на друга и смеются.

– Но я могу усыновить тебя, – заявляет тот, что сидит на столе.

Я открыл глаза. Четыре с копейками. Сволочи. Оба сволочи. Как будто мне с одним проблем мало.

Интересно, на кого они кивали?.. Я вспомнил этот их жест. Повторил.

Не друг на друга. Скорее куда-то за спину. Я мрачно посмотрел в ту сторону. Дверь. Ну не Маяковского же они имели в виду?! У, две с-собаки...

– Кофе. Срочно.

Я набрал номер человека, подписанного как DrBenway. «Защищенное соединение». Прекрасно. После некоторой паузы выскочило сообщение: «Подключитесь либо воспользуйтесь очками. У вас пятнадцать секунд. Время пошло».

Твою мать. Я поспешно натянул перчатки, надел очки, включил. Уложился в двенадцать.

...И оказался в операционной. Почти настоящей. Почти настоящий доктор с кровавыми отпечатками ладоней на белом халате взглянул на меня.

DrBenway: Слушаю?

Я: Здравствуйте.

DrBenway: Кто слил тебе этот контакт?

Я: Тот, кто посоветовал обратиться к вам.

DrBenway: Не рекомендую шутить, малыш. (Он шевельнул пальцами. Перед глазами поплыло.) Кто?

Я: Отец.

DrBenway: Кто у нас отец?

Я: Андрей Меньшиков.

DrBenway: Ну-ну.

Я: Это просто аватара.

DrBenway: Вижу. Что же тебе надо, сиротинушка?

Я: Взгляните. (Я протянул ему «мину». Он взял, помолчал секунду.)

DrBenway: Будь я проклят!!!

Вот поэтому чистюль-хакеров практически не бывает. Мы не можем вот так взять и мгновенно окинуть взглядом, проанализировать и понять хоть сколько-нибудь приличный объем данных.

DrBenway: Откуда он это увел?

Я: Черт его знает... А что это?

DrBenway: Мозговой слизень. Лады, парень, дальше я сам.

Я: А я?

DrBenway: А ты... (Он щелкнул пальцами.)

Вокруг закружились цветные вспышки и образы – и я провалился вниз.

Открываю глаза – и тут же зажмуриваюсь. С низкого потолка бьет яркий свет. Затылок ноет, в ушах шумит. Полный набор...

Не открывая глаз, пробую сесть. Не сразу нахожу, куда спустить ноги. Направо. Слева жестковатая спинка того, на чем я лежу. Сажусь. Штормит. Откидываюсь на спинку. Очень сильно штормит. Перед глазами плавают большие цветные прямоугольники.

Сильно дергает вправо, и я больно прикладываюсь ухом

к чему-то прохладному и твердому.

В ухе раздается приятный женский голос.

«Станция Комсомольская. Переход на Сокольническую линию и выход к вокзалам Ленинградскому, Ярославскому и Казанскому».

Как – Комсомольская?

Открываю глаза. Напротив – стекло, за стеклом – пустой темный вестибюль станции Комсомольская-Кольцевая. Рядом – открытые двери вагона. Между дверьми и стеклом – выцветшая схема московского метрополитена.

А как я сюда попал? Бе-е-езнадежно...

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция Проспект Мира».

А, иди ты... Встаю, подхожу к схеме. Получается, мне через одну, если принять, что я еду в «Маяк». А если...

Трясу головой. Надо все-таки спать больше. А то так вот сядешь в метро... Потом ляжешь... А потом проснешься – а тебя нет. Свистнули и пересадили мозги какого-нибудь старого пердуна с большим мешком денег.

На чем я остановился? А, «Сумеречный сад»... Доктор Бенвей, Рыжая Ведьма, Никодим... Негусто.

«Станция Комсомольская. Переход на Сокольническую линию и выход к вокзалам Ленинградскому, Ярославскому...»

– Э! – говорю я вслух. – Ты что, с ума сошла? Какая еще Комсомольская?

Смотрю в окно на двери. Глухая стена. Оборачиваюсь.

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция Курская».

Я что, еще не проснулся?

Поезд разгоняется, потом резко тормозит. Станция, мать твою, Комсомольская, переход на Сокольническую, едрить ее, линию и выход к трем, блин, вокзалам. Поднимаюсь с пола и бегу к ближайшей двери. В проеме стоит женщина в темных очках и полицейской форме. Подошва ее ботинка врежется мне в живот, и я отлетаю к «осторожно, двери закрываются».

Обратно в туннель. Лампы мерцают, потрескивая, некоторые гаснут. Потом...

Что-то, похожее на невесомость. Будто тому, кто наблюдал за мной, наскучило, он проголодался и решил сходить к холодильнику сварганить пару бутербродов. Одно из стекол выгибается вглубь вагона, превращается в человеческую голову. Голова осматривается. Прозрачные глаза находят меня.

– Это не твоя игра! – говорит она.

Голос смутно знакомый... Маяковский?!

– Постараюсь вытащить тебя на следующей станции! Не прозевай! Как только поезд остановится, беги!..

Рывок. Невесомость закончилась.

«Станция Комсомольская...» Двери открываться не желают, лишь напряженно гудят. На станции несколько поли-

цейских. Клоны, что ли?

Стекло, из которого недавно торчала голова, разлетается вдребезги. Выскакиваю в образовавшуюся дыру и бегу неизвестно куда. Еще несколько полицейских дам спешат перекрыть выход. Уворачиваюсь, бегу к переходу на другую станцию. Эскалаторов нет.

– Прыгай! – кричит Маяковский.

Черт. Почему я?

Лежать было жестко. Я сел и стянул с головы очки. Беспроводные системы – это прекрасно... Похоже, свалился со стула во время одного из «торможений».

Стук в дверь.

– Да?!

– Вы в порядке?

Маяковский. Значит, это и правда был его голос... А ведь я там даже и не задумался о том, что мог застрять в вирте.

– Нет. Сейчас...

Я открыл дверь и долго смотрел на Маяковского, потом перевел взгляд на сетик.

– Так... Вы можете рассказать мне, что случилось?

– Относительно. – Он неуверенно кашлянул. – Пойдемте. И компьютер прихватите с собой.

Я стянул с рук перчатки, бросил их на стол, взял сетик, вышел из комнаты и запер дверь. Маяковский нетерпеливо топтался у лестницы.

– Ведите, – буркнул я.

Мы спустились вниз, прошли мимо стойки в небольшой коридорчик, и Маяковский открыл неприметную дверцу, мимо которой я, будь один, непременно бы проскочил. Хозяин впустил меня в крошечную, заставленную аппаратурой комнатку, закрыл дверцу и принялся щелкать кнопками на пульте, что висел на стене.

Комнатку затопило гудение, в котором мне то и дело слышались отдельные слова.

– Что это? – спросил я.

– Где? – Я ткнул пальцем в сторону пульта, и Маяковский махнул рукой: – А. Чтобы не подслушивали.

– Кто?

– Откуда я знаю? Это ваши знакомые. С кем вы так душевно пообщались?

– Когда?

Маяковский взгляделся в меня.

– Что вы помните?

– Метро. – Я пожал плечами. – Меня все время привозили на Комсомольскую и не давали толком...

– Ага. А до этого?

Я нахмурился. В памяти зияла довольно большая дырка с неровными краями. Последнее, что я помнил – это посещение «Зоопарка». Отец сказал, чтобы я зашел в «Сумеречный сад»...

– Помню, как был в «Зоопарке»... В смысле, в «Баррика-

де». Оттуда я направился сюда и... – Голова начала раскалываться. – И я проснулся в метро. Остальное вы знаете. Кстати, откуда?

– Ага... Значит, вы не помните, что отдавали мне компьютер в починку?

– А я отдавал?

Маяковский кивнул.

– И разговор, который произошел у вас с человеком в белом халате, вы тоже не помните?

– С человеком... С доктором, что ли?

– Ну да. У него был ник «Доктор Бенвей».

– Не знаю такого... А зачем я с ним разговаривал?

– Вы ему кое-что передали. Сядьте сюда и взгляните.

Он указал на стул перед небольшим экраном и включил видеозапись.

– Так-так... А откуда это у вас? – нахмурился я.

Маяковский почесал нос.

– Я решил, что вы любопытный клиент...

– Да нет. Это вы – любопытный хозяин, – возразил я. –

Но вы меня, судя по всему, спасли.

– Возможно. – Он дернул щекой. – Хотелось бы понять, зачем запикивать вас в виртуальный мешок. Это не очень умно... Разве что у дока не было под рукой ничего более серьезного.

– Это риторический вопрос?

– В общем, да. А вот «что вы собираетесь делать?» – уже нет.

Я проснул сетик.

– Эй, поаккуратнее! – сказал Маяковский. – Эта игрушка нас так засветит!

– Ну вы же все предусмотрели?

– Нет! Кар-рамба... – Он забегал пальцами по клавиатуре. – Все, давайте, работайте...

Я вытащил отцовское письмо, нашел место, где он оставил контакты. Действительно, первым значился «DrBenway».

Остались еще двое.

– Интересно, а док свистнул этот список или нет? – спросил я.

– Непонятно. А вот файл, который вы ему передали – да, свистнул. Я его скопировал.

Про файл я тоже не помнил, а по видео ничего толком понятно не было.

– Что там?

– Вы же слышали – «мозговой слизень».

– И?

– И все. Если эту штуку пустить в производство, все мы окажемся на поводке... Однако теперь вам надо уходить. Не знаю, кто как, а я бы на месте этого доктора уже начал бы поиски. Или вас, или тех, кто вас найдет и покарает по законам военного времени. Может быть, он не заметил, что вы сбежали из его петли, но на это надеяться глупо, а профес-

сионалов в Москве достаточно.

– И сколько у меня времени?

– Думаю, еще минут десять есть.

– А вы тут как?

– Отбрехаемся, – усмехнулся Маяковский. – В конце концов, откуда я знаю, чем занимаются в номерах постояльцы? Особенно столь опасные и скорые на расправу?

– Тогда пойду собираться.

Оглядывая комнату, в которой не успел даже толком пожить, я прикидывал варианты. Их было, прямо скажем, немного.

Полиция. Вариант нулевой. Даже не рассматривался. Любой полицейский – потенциальный бессмертный. А иметь такое средство контроля за людьми – кто откажется?

В Питер. Хреновый вариант, даже если док и не выяснил про меня все-все-все и еще немножко сверху, пока я катался в его виртуальном метро.

Свидеться с остальными персонажами из отцовского списка: Рыжей Ведьмой и этим... Никодимом. Если есть на свете знак «неизвестность», то он прибит как раз над этим вариантом. Подбросить яду в банку с пауками...

Очень хотелось домой. Но тогда я, получается, даже не попробую толком выполнить последнюю просьбу отца.

Я попрощался с Маяковским и вышел на улицу. Откуда-то потянуло гарью. Перебравшись за стену, я влился в по-

ток людей, шедших в сторону метро. План потихоньку складывался в голове. Но для начала надо спуститься под землю.

Устроившись в пустом вагоне – людей с утра так и не прибавилось, – я открыл сетик. Сеть работала не слишком хорошо, кроме того, блокировщик рекламы каждые десять секунд уведомлял об очередном заблокированном приложении, стремившемся пролезть на компьютер. Одно из таких я запустил ради интереса.

*> из нас создают один из показателей уровня жизни
этот шепот в середине июня*

*> с помощью кубиков или людей потребление сходит
за Ним*

Прикладной дадаизм в действии...

Я открыл терминал и набрал номер Никодима. Здесь никаких предложений срочно надеть очки, причесаться или вымыть руки не поступало. Все было старомодно как его имя: просто белые буковки на черном экране.

Nickodum: Слушаю.

Я: Я от Меньшикова.

Nickodum: Он упомянул меня в завещании?

Я: Вроде того. Он просил передать вам информацию.

Nickodum: На словах?

Я: Нет.

Nickodum: Какого плана информация?

Говорить открытым текстом будет неразумно.

Я: Об улитках-паразитках.

Пауза.

Nickodum: Я тебя понял. Не здесь и не сейчас.

Я: Предложения?

Nickodum: В десять вечера в «Расческе». На всю Москву она одна, не ошибешься.

Я: ...Ни хрена.

Nickodum: То есть?

Nickodum: Ну да. Там и свидимся.

Я: Как я вас узнаю?

Nickodum: Я буду в дебильной шляпе.

Я: Ага.

Nickodum: Самой дебильной.

И он оборвал связь. Чудесный собеседник: ничего лишнего. На пробу я решил попробовать связаться и с Рыжей Ведьмой. По словам отца, она признавала только видеосвязь.

Канал был включен на прием входящих. Изображение проявилось на экране – и я отшатнулся.

Она действительно была рыжей, хотя волос на ее бритом черепе оставалось не так уж много: короткий мохок и свисающая на лицо длинная прядь. Лицо это было серым. По щекам от черных пустых глазниц тянулись, словно следы слез, черные бороздки, прочерченные пластиком от расплавившихся глазных имплантов. По искривленным синим губам ползали мухи.

Может быть, были еще какие-то отличительные черты,

но я их высматривать не стал. Сохранил картинку и выключил видеосвязь.

«Станция Парк Культуры...»

Проклятье. И оружия никакого нет.

«Расческа» на Таганской площади была еще одной пограничной точкой, находившейся прямо за стеной. Неожиданно тихий клуб: приличное помещение, столы максимум на двоих, привинченные к полу стулья, полумрак; звуковой фон из звуков битого стекла, сминаемой бумаги и редких металлических ударов. И множество посетителей, наглухо ушедших в свои внутренние миры. Хо́да во внешнюю сеть отсюда не было.

Я уселся за столик, включил сетик. Аквариум. Из внешнего мира сюда поступала, видимо, только еда и люди. Хорошее место.

– Что будете заказывать?

Я поднял голову. У столика стояла официантка. Длинные прямые волосы, черный комбинезон с белой зубчатой вставкой от горла до низа живота.

– Кофе, – сказал я, стараясь не слишком пялиться на девушку.

– Соевый?

– Верно. А что, и настоящий тоже есть?

– Да. Что-нибудь еще?

– Нет, благодарю.

Официантка бесшумно исчезла.

– Предпочитаете тишину?

На стул напротив уселся незнакомец в болотного цвета плаще.

– Нормальная у вас шляпа, – сказал я.

– Знаю. – Он снял шляпу, положил на стол и взъерошил волосы.

Рыжие.

– Вы спешите?

– Зависит от тебя.

– Тогда для начала...

Я развернул к нему сетик. Никодим побледнел.

– Ваш кофе, – сказала вернувшаяся официантка, поставила передо мной стакан и обратилась к Никодиму: – Что-нибудь желаете?

Он медленно поднял на нее взгляд. И так же медленно повел головой влево-вправо. Официантка ушла.

– Насколько я могу судить, вы ее знали, – заметил я, отпивая кофе.

Горячий.

– Да... – Голос ему изменил. Никодим прокашлялся. – Да, знаю.

– Вы верите в совпадения?

– Смотря... что с чем совпало.

Я отобрал у него сетик и сказал:

– Отец оставил мне контакты троих человек. Тех, кому

можно передать информацию. Вы, она и еще один персонаж.

– Кто? – Никодим подался вперед.

– Некий доктор Бенвей. Имя, конечно, не настоящее...

– Зато характер тот самый. – Тут он вытаращил глаза: – Минуточку!.. Отец?!

– Да.

– Любопытно...

Никодим предостерегающе поднял руку и чуть прикрыл глаза. Пальцы другой руки принялись постукивать по столешнице. Вышел в виртуал. Ну, пусть...

– Интересно, кто из нас четверых навел на нас охотников, – пробормотал Никодим, открывая глаза.

– Четверых?

– Тебя я не считаю.

– И на том спасибо... Что за охотники?

– Четыре пустышки. – Он дернул щекой. – Один у двери, остальные чуть дальше. Внутрь войти не рискуют. Ждут, что мы выйдем и попрем через стену.

– Разве что ракет-джампом...

Никодим кивнул.

– Плохо, что ты без игрушек. – Он ткнул пальцем себе в висок. – Сэкономили бы время... Выходим наружу – и ты бежишь налево, заворачиваешь за дом и фигачишь по Гончарному, если не подстрелят. Надо добраться до реки. Но сначала поделись-ка инфой. Вдруг потом не успеем.

И он подключился к сетику. Я разрешил вход и встал:

– Пойду пока за кофе расплачусь.

Лавируя между столиками, добрался до кассы. Кассир улыбнулась:

– Могли бы позвать.

– Мы слегка торопимся.

– Ну что же... Удачи.

Никодим подждал меня у выхода. Он сунул мне сетик и снял с пояса две короткие дубинки-шокера.

– Готов?

– Да, – отозвался я. – А когда доберемся до реки?

– Ты что, не знаешь, что делать с рекой?

Не дожидаясь ответа, Никодим толкнул дверь плечом и вывалился на улицу, сбив с ног какого-то случайного прохожего.

– Нельзя, что ли, поаккуратнее?! – завопил тот.

– Нет! – рявкнул Никодим.

Он выбросил веред обе руки, ткнув концами дубинок в живот парню в серой куртке и странным лицом.

– Ходу!!!

С топочущим за спиной Никодимом я добежал до освещаемого одиноким фонарем перекрестка. Прямо по курсу была арка, заставленная несгораемыми металлическими шкафами, старыми мусорными баками и еще какой-то рухлядью.

– Точно туда? – крикнул я через плечо.

– Да!

Дверца ближайшего шкафа распахнулась, и из-за нее показался человек. Послышалось щелканье позвонков: шкаф был мне по подбородок, а прятавшийся в нем человек казался головы на две выше.

– Стоило так мучиться, – пробормотал я, ошеломленно разглядывая его.

Когда-то синяя джинсовая куртка, на шее грязный платок, ноги облачены в драные треники...

– Ты чего встал? – проорал мне в ухо Никодим. – Жить надоело?

– Тут местный, – ответил я. – И вряд ли он вылез пожелать приятного вечера...

– Плата за вход сто восемьдесят два рубля.

– Ты не знаешь, что делать, что ли? – удивился Никодим.

Я пожал плечами, шагнул к дылде и ударил его кулаком в живот. Дылда согнулся, но как-то не до конца. Наверное, не все позвонки на место встали.

– Э! – закричал еще один. – Ты зачем?..

– Отвали! – Никодим вышел вперед, покручивая дубинками. – За нами пустышки!

– А мне какое дело? – спросил этот парень. – Это твои проблемы!..

Пуля, взвизгнув, срикошетила от стены. Парень понял, что насчет проблем погорячился, и быстро, решительно сделал ноги. Никодим метнулся вперед, я двинул за ним, походя опрокинув шкаф. Конечно, никого не задержит, но все-

таки...

Я где-то читал, что в некоторых городах были пешеходные улицы. Особенно в районе исторических центров таких городов.

Гончарный переулок, как мне показалось, вполне можно было отнести к «историческому центру города» – по признаку «пешеходности». Проехать здесь на чем-то, кроме танка, было невозможно. Асфальт разворочен, проезд перекрыт обломками бетонных столбов и непонятно откуда взявшимися бетонными же плитами. По обе стороны дороги торчали сухие, словно покрытые лаком деревья, мучительно растопырив поблескивавшие ветки. Кое-где на них болтались обрывки мишуры, елочные игрушки и неработающие гирлянды.

В темноте я разглядел людей, сидевших на земле под деревьями. Они смотрели куда-то вверх и тоже казались лакированными. Рядом с некоторыми горели маленькие фонарики.

– Что это? – спросил я Никодима.

– Отвали! – Он уже начал задыхаться. – Нашел время... Вперед!

Проскочив мертвый сквер, мы выбежали на еще один перекресток. Прямо перед нами возвышалась совершенно темная громада высотного дома. Левый его край был ближе.

– Давай в подъезд, – сказал Никодим.

– Надо было заказ какой-нибудь взять, – проворчал я. – Хоть не напрасно бы бегали...

Никодим пропыхтел что-то неразборчивое.

Двери у подъезда не было. Наверняка ее можно было найти в одной из мусорных баррикад, но стоило ли стараться?

– Осторожно. – Никодим взял меня за плечо. – Здесь могут водиться люди.

– Плохо...

– Давай топай по лестнице. За двоих. А я буду вытаскивать нас из всего этого.

Никодиму удавалось перемещаться практически бесшумно. И мне, и «пустышкам» было до него далеко. Я побежал вверх по пыльной лестнице. Ей уже давно никто не пользовался. Может, обойдемся без людей... Преследователи рванули за мной наверх. Я взобрался на четвертый этаж, огляделся. Дверей не было не только внизу. Двери, обои, стекла, краска – это все из какой-то совсем другой жизни, к которой «это» никакого отношения не имело.

Пробежать весь длинный коридор я не успел. Что-то выскло из стены фонтанчик бетонной пыли, и я закатился в ближайшую квартиру. Выстрела слышно не было. Проклятые глушители...

Позади раздался странный шум – словно разорвали простыню – и крик. Наверное, это Никодим. Я выглянул в коридор и чуть было не поплатился глазом. Еще одна бесшумная пуля клонула стену. Выругавшись, я снял куртку, швырнул

ее в дверной проем и выкатился следом. Преследователь был уже совсем рядом – только в мою сторону он не смотрел. Он смотрел на Никодима, прикрывающегося как щитом еще одним охотником, держа у его виска дубинку.

Не успев толком сообразить, что я такое творю, я оказался за спиной «пустышки» и обхватил рукой его шею. В следующую секунду в мое лицо ткнулся ствол. К счастью, одна свободная рука у меня была. Я ударил по стволу – и охотник сделал себе в голове лишнюю дырку.

Снова раздался треск.

– А где последний? – спросил я мрачно.

– Не знаю...

– Тогда прячься.

Никодим послушался. Я поднял пистолет, осмотрел его. Ничего необычного, пушка как пушка. Только ствол из-за глушителя длинноват.

В начале коридора показался охотник. Я выпустил две пули и нырнул обратно в комнату. «Пустышка» сделал несколько шагов, вскрикнул и упал.

– Живой? – спросил я громко.

– Смотря кто, – ответил Никодим.

– Молодец.

– Спасибо. Пойдем. Нам еще на остров переправляться.

Река. Вряд ли река в городе сейчас в том состоянии, чтобы ее можно было пересечь вплавь и не раствориться, как в кислотных водах Леты. Черт...

– А на чем? – поинтересовался я.

– На плоту.

– Э... А можно поподробнее?

– Сейчас сам все увидишь! Если не будешь трындеть до темноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.